

В первом же после каторги письме брату Михаилу Ф. М. Достоевский, всего неделю назад снявший кандалы, с благодарностью пишет о тех, кто пытался облегчить его пребывание в Сибири: «Если бы не нашел здесь людей, я бы погиб совершенно... Брат, на свете очень много благородных людей». И одним из таких людей был священник Александр Иванович Сулоцкий.

Что побудило служителя церкви активно помогать «государственным политическим преступникам» — Достоевскому и его товарищу поэту-петрашевцу Сергею Дурову? Ведь он был призван убеждать паству в том, что всякая власть от бога, что император — помазанник божий. А по определению генерал-аудиториата Достоевский был осужден за участие в преступных замыслах, распространение письма литератора Веллинского, наполненного дерзкими выражениями против православной церкви и верховной власти, и за покушение, вместе с прочими, и на распространение сочинений против правительства посредством домашней литографии.

Александр Иванович Сулоцкий родился в 1812 году. Сыну бедного причетника из ярославского села Сулоост всего пришлось добавиться собственным трудом. Став лучшим учеником Ярославской духовной семинарии, он проложил себе путь в столицу, в академию.

В 1838 году молодой священник приезжает в Тобольск и становится преподавателем церковной истории и греческого языка в местной семинарии. Жизнь в Тобольске и Ялуторовске сблизила Сулоцкого с находившимися там на поселении декабристами. (Будущие сибирские друзья Достоевского Фонвизины прибыли в Тобольск в 1838 году, Анненковы — в 1839).

Происхождение (причетчик мог быть и обыкновенным звонарем), а главное — искреннее уважение и декабристам — вот что в значительной степени объясняет поведение Сулоцкого в 1850 году.

В ЯНВАРЕ этого года Достоевский и Дуров прощались через Тобольск в Омск. В Тобольске, встретившись с женами декабристов, петрашевцы поняли, что в Сибири у них есть смелые и великодушные друзья.

«Мы в Омск писали и рекомендовали бедных друзей наших, — как в родственники нашим, так и в товарище его многие теперь в Омске принимают участие», — сообщала брату мужа о январских событиях Наталья Дмитриевна Фонвизина (за родственника она выдавала Дурова).

В то время А. И. Сулоцкий жил уже в Омске. Он тоже подучил письмо от супругов Фонвизинных. Ответил сразу же, 1 февраля 1850 года, адресовавшись к М. А. Фонвизину:

«Письма — Ваше и добрей-

шей Натальи Дмитриевны — навели на меня такую печаль, что целый вечер, по прочтении их, я не мог ни делать ничего, ни говорить с домашними. Бедственная участь мечтателей, Ваши просьбы, которые, скажу прямо, для меня священны, желание исполнить их и неимение ни малейшей к тому возможности, — вот что меня печалило... Добрый Иван Викентьевич, вследствие письма Марьи Дмитриевны, тогда уже адресовался к разным лицам и с расспросами о возможности, о способах облегчить участь гг. Дурова и Достоевского и это всех, от чьих и при мне, слышал одно, т. е., что нет никаких к тому способов, особенно вначале, теперь (...). Но Вы скажете, что мой сан должен дать вход для меня в самые тюрьмы и остроги? Так, мы с

К 180-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

Иваном Викентьевичем и ухватились было за это, но нам ответили, что входить к заключенным имеет право священник только местный, определенный к тому, а этим лицом в Омске — отец протопоп. По крайней мере, Вы спросите, нельзя ли через него что-нибудь сделать? На этот вопрос вот что скажу: протоиерей Пономарев, несмотря на свою нечастную слабость, для Сергея Федоровича Дурова и Достоевского мог бы быть тем же, чем был и есть в своем месте и для известных лиц Степан Яковлевич: но он до крайности обременен приходом (8000 душ) и разными должностями, — свободы решительно не имеет... Впрочем, Дмитрий Семенович обещался разведать через кого следует и можно, нельзя ли известным лицам, например, бывать у него, когда я присяду к нему или мне самому нельзя ли их в остроге посещать и пр. Думаю, что его старания не останутся вовсе бесплодными: плац-майор Кривоцов у протопопа каждодневно выпивает чай, не по одному ведру сивухи. — Моих хлопот доколе и только: но Иван Викентьевич два раза был уже у коменданта, а этот, по слову Ивана Викентьевича, являлся ко князю со спросом, как поступать со вновь присланными арестантами, можно ли чем-нибудь отличить их от других, делать им кой-какие снисхождения (разумеется, ни о Вашей просьбе, ни о хлопотах

„Добрый и

Ивана Викентьевича тут не было упоминаемо), — и получил ответ: «по закону». Добрый Иван Викентьевич хочет, наконец, обратиться прямо к плац-майору и просить его, чтобы он с теми господами, по крайней мере, не обходился варварски. Что будет от его хлопот и моих через протопопа, не знаю: Кривоцов корчит роль прельщенного монархиста, ругает и своих командиров, когда они обходятся ласково с политическими преступниками, и обходится с ними зло, исполитично: присланного нынче осенью поляка, коллежского советника, профессора химии, прежде всего высек лозами единственно за то, что тот, — когда Кривоцов, смотря на его бороду, отрощенную в дороге, назвал его бродягой, — сказал: «Извините, милостивый государь, я из политических преступников, сослан за мнения, следовательно, брагьяго называйте меня нельзя». О Кривоцове вот что скажу еще: еще на Кавказе в него спящего стрелял бывший в его команде донской казак; в Омске пред моим приездом один арестант сбил его с ног и порол ему горло нарочно отрошенным ногтем, да проиждешю осенью известного Сотников на говвахте тоже его колотил; наконец, за Кривоцовым 16 дел! (Молчанье! Достоевский с самого прибытия поступил в госпиталь и про-будет там долго)».

Это письмо, как и последую-

щие письма Сулоцкого Фонвизинным, не только проливает свет на сибирский период биографии великого писателя, но и является комментарием к «Запискам из Мертвого дома». Тут и печально знаменитый плац-майор Василий Кривоцов, ярко нарисованная фигура которого то и дело появляется на страницах «Записок», здесь и профессор-поляк, зашифрованный в книге как «Ж-кий».

Видно из письма и сибирское окружение Достоевского.

Иван Викентьевич Ждан-Пушкин, инспектор классов Сибирского корпуса, непосредственный начальник Сулоцкого. По словам мемуариста, «разносторонне образованный человек... его благородный и открытый характер оставлял глубокий след в умах его питомцев». После выхода из каторги Достоевский познакомится с Ждан-Пушкиным, они будут переписываться.

Марья Дмитриевна Францева, дочь Тобольского губернского прокурора. Она вместе с Н. Д. Фонвизиной ездила за город провонать отправленных из Тобольска в Омск Достоевского и Дурова, передала с сопровождавшими их жандармами письмо И. В. Ждан-Пушкину, где просила помочь петрашевцам. Эти загорочные проводы описаны в известных «Воспоминаниях М. Д. Францевой».

Степан Яковлевич — священник Стефан Яковлевич Знаменский, друг многих декабристов, духовник М. Д. Францевой, отец художника-демонстра М. С. Знаменского, о котором наша газета писала...

Не назван по имени комендант Омской крепости — псковнин А. Ф. де Граве. Человек добродушный и хлебосольный, он тоже стремился облегчить

«Благородный»

жизнь писателя-каторжника. Впоследствии Достоевский был в его доме, а в уже цитировавшемся омском письме брату от 22 февраля 1854 года назвал его «человеком очень порядочным».

ТАКЖЕ деятельность омских друзей петрашевцев продолжалась, постепенно она давала некоторые результаты. Это видно из последнего письма Сулоцкого М. А. Фонвизину от 11 февраля 1850 года:

«Письмо мое, по всей вероятности, опечалило Вас, добрую Наталью Дмитриевну, и других, принимающих участие в горькой доле Сергея Федоровича Дурова и его товарища. Но что же делать? Я бесценен, а плац-майор именно таков, каким я описал его. Не мудрено вовсе, что Кривцов обругал их, — это совершенно в его духе; впрочем, в Омске об этом не слыхать, по крайней мере до моего слуха не дошло еще. — Не буду для Вас хотя малым утешением следующие сведения, полученные мною от Ивана Викентьевича (он с неделю уже болен): г. Достоевский все в лазарете; главный лекарь Троицкий, по просьбе Ивана Викентьевича, толковал с ним, предлагал ему лучшую пищу, иногда и вино; но он отказывается от всего этого, а просит только о том, чтобы принимать почаше в лазарет и

помещать в сухой комнате. Г. Дурову поручено состоять при кузнице, действовать мехами и подкладывать уголья. Говорят, он рад этому, потому что, стоя при кузнице, удален от глаз зевак и что постоянно в сухом воздухе; но, по-моему, Кривцов едва ли не для насмешки это сделал. — Протопоп все еще не видался с Кривцовым: этот хотя и заходил несколько раз к нему, но его не было дома...»

Инцидент с плац-майором («Кривцов обругал их») все же имел место, но настолько запомнился Достоевскому, что писатель рассказал о нем в письме брату четыре года спустя: «Начал с того, что он (Кривцов — А. Л.) нас обоих, меня и Дурова, обругал дураками за наше дело, и обещался при первом же преступлении наказывать нас телесно».

Во втором письме Сулоцкого впервые появляется имя И. И. Троицкого — главного лекаря Омского военного госпиталя; Достоевский не раз упоминает о нем (не называя фамилии) в «Записках из Мертвого дома». Арестантская палата госпиталя была единственным местом, где писатель-каторжник мог работать. Здесь он вел свою знаменитую «Сибирскую тетрадь», многие записи из которой перекочевали потом на страницы его великих романов.

Следующее письмо Сулоцко-

го Фонвизиним написано через четыре дня — 15 февраля 1850 года:

«Сергей Федорович мел уже улицы, получил флюс и теперь в лазарете. Он и г. Достоевский очень благодарны, замечая, что главный лекарь принимает в них участие. Мы через Троицкого, наконец, добились позволения пересылать им по крайней мере книги св. Писания и духовные журналы — и я отправил нынче Псалтырь на русском языке и «Христианское чтение» за 1828 год, где статьи о последних днях земной жизни Спасителя, и за 1847-й. — Кривцов перед протопопом выказывает себя страждущим к несчастным и обещает их отпустить к нему при всяком приглашении. Авось, хотя это и неизвестно, когда будет, и я увижусь».

Любопытно то, что в «Записках из Мертвого дома» про Кривцова сказано, что он «на протопоповской дочери жениться хотел». Должно быть, плац-майор и в самом деле хотел стать не только sobутыльником страдающего «несчастной слабостью» протопопа, но и его зятем, а Сулоцкий использовал и это обстоятельство.

Остальные два известных нам письма А. И. Сулоцкого Фонвизиним датированы 31 мая и 18 августа того же года. Они свидетельствуют о том,

что связь заключенных с внешним миром постепенно налаживается.

«Стихи Сергея Федоровича, без всякого сомнения, у Вас уже и для Вас отрады. — Его я видел, даже перебрисил с ним несколько слов; случай к этому был тот, что мне, за отсутствием протопопа, довелось привести к присяге Троицкого и некоторых других лекарей. Г. Достоевского навещает, хотя и изредка, товарищ его по корпусу Осипов. Сергей Федорович пожелал ознакомиться с историей русского раскола, и я отправил ему для этого книги. Вот все, что теперь могу сказать об этом».

«О страданиях только и знаю, что они почти постоянно в лазарете и что, когда живут тут, пользуются столом от главного лекаря Троицкого. Слышал я еще от протопопа, что и он виделся и беседовал с ними; причем Достоевский просил достать для него Историю и Древности Иудейские Иосифа Флавия. Но в Омске этой книги не оказалось. Не придет ли ее Степан Михайлыч? У него есть она на французском языке (из книг покойного Афанасия). — Слава богу, что Иван Викентьевич по своей доброте, ревности к добру и связям со многими достиг до возможности сделать то, что теперь делается. Мне, при моей неловкости и при крайнем недостатке в порядочных знакомствах, никогда бы не достигнуть до подобных результатов».

К сожалению, нам больше ничего не известно о взаимоотношениях великого писателя и этого, не совсем обычного, священника смущенно называв-

шего революционеров «мечтателями», но дружившего с декабристами и помогавшего петрашевцам в самый тяжелый, начальный период каторги. Мы знаем лишь то, что в одном из писем, посланных И. В. Ждан-Пушкину уже из Семипалатинска, Достоевский назвал Сулоцкого «добрым и благородным». Сведения же о самом Александре Ивановиче Сулоцком дошли до нашего времени, и дошли прежде всего потому, что он оставил определенный след в деле изучения Сибири.

В 1880 году он написал «Авторскую исповедь» — небольшое автобиографическое сочинение которое завещал напечатать после своей смерти. Умер Сулоцкий 3 мая 1884 года в Омске, и вскоре «Исповедь» увидела свет.

«Все мои сочинения, — пишет автор, — т. е. и отдельные издания, и журнальные или газетные статьи, имеют предметом своим Сибирь... Писать и издавать их я начал вследствие вот каких обстоятельств и по каким соображениям. Господь судил мне жить, да, вероятно, даже без сомнения, велит и умереть в Сибири; отчего же, думал я, не позаботиться мне узнать эту Сибирь, не изучить ее истории, как общей, так, в частности, и церковной, не узнать ее древностей, быта ее жителей как туземных, т. е. инородцев сибирских, так и пришлых, т. е. русских сибиряков?»

БОЛЕЕ ста публикаций — таков итог научной и литературной деятельности Сулоцкого. Интересы исследователя были весьма широки, об этом можно было судить хотя бы по названиям статей: «Петр Андреевич Словцов», «Библиотеки в Омске и наиболее в Тобольске», «Начало театра в Сибири», «Сперанский в Тобольске», «Исторические сведения об иконописи в Сибири», «Исторические заметки о добыче соли с Янышевского озера», «Замечательные церкви в

Тобольске», «Понятия сибирских простодлиннов о манахтах... Сибирский автор сотрудничал не только с местными изданиями, но и с «Русской стариной», «Русским вестником», «Москвитянином», «Чтениями в Обществе истории и древностей российских». При этом, как правильно отмечено в некрологе, он «был один из первых в полном смысле самостоятельных тружеников по разработке разных письменных, архивных и других памятников сибирской старины. Ему приводилось не обобщения делать, а первому пролагать путь».

Вклад Сулоцкого в изучение Сибири был по достоинству оценен уже в советское время. Когда в 1927 году отмечалось 100-летие Западно-Сибирского отдела Географического общества, его тогдашний председатель профессор В. Ф. Семенов писал, что сочинения Сулоцкого «ставят его наравне с знаками сибирской старины П. А. Словцовым, Н. А. Абрамовым, Н. К. Костровым и другими». Приблизив к ЗСОРГО при его основании в качестве члена-учредителя, он, вследствие преклонного возраста, не мог принимать деятельного участия в жизни Отдела и был полезен ему только своим авторитетом».

К этому можно добавить, что многие работы Сулоцкого не утратили своего научного значения до сих пор.

Таким был Александр Иванович Сулоцкий, человек, подавший руку помощи писателю-каторжнику, один из тех, кого этот писатель назвал потом «благородными людьми».

А. ЛЕЙФЕР.